

А. И. ГЛАДКИЙ

**«ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ»
А. М. КУРБСКОГО
КАК ИСТОЧНИК «СКИФСКОЙ ИСТОРИИ»
А. И. ЛЫЗЛОВА**

«История о великом князе Московском» А. М. Курбского — ценнейший источник по истории внешней и внутренней политики, а также общественной мысли Русского государства второй половины XVI в. Однако ее безусловно значительное влияние на дальнейшее развитие русской публицистики и историографии пока изучено недостаточно.

Дискуссия о подлинности или поддельности переписки Грозного и Курбского, начатая Э. Кинаном, в которой приняли участие видные советские историки и филологи Д. С. Лихачев, А. А. Зимин, Я. С. Лурье, Р. Г. Скрынников и другие, показала, что наследие Курбского является еще обширным полем для исследования. В работах советских ученых была доказана подлинность переписки, однако не было уделено достаточного внимания «Истории о великом князе Московском», несмотря на то что Э. Кинан высказал мнение, что это подделка второй половины XVII в. и предположил, что ее автором является чудовский монах Евфимий.¹ В связи с выступлением Кинана требуется новое тщательное источниковедческое исследование памятника: истории его текста, источников, степени достоверности и т. д.

В настоящей статье предлагается исследование взаимоотношения текстов «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского и «Скифской истории» А. И. Лызлова. Этот частный вопрос представляет интерес как для изучения еще мало исследованной «Скифской истории», так и для выяснения вопроса о подлинности сочинения Курбского. Ряд наблюдений Э. Кинана на первый взгляд свидетельствует в пользу вторичности «Истории» Курбского по отношению к труду Лызлова, что ведет к заключению о ее происхождении в конце XVII в., т. е. поддельности. Поэтому важно текстологическое изучение этих двух памятников с целью проверить убедительность аргументации Э. Кинана.

«Скифская история», написанная Андреем Ивановичем Лызловым в 1692 г., — одно из первых произведений нового типа в русской историографии. Обширная монография посвящена истории

¹ Keenan Edward L. 1) The Kurbskii — Grozny apocrypha. The seventeenth century genesis of the «correspondence», attributed to prince A. M. Kurbskii and tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971 (далее — Кинан, с указанием страниц), p. 62—63, 212, comm. 42; 2) Putting Kurbskii in his place, or: observations and suggestions concerning the place of the History of the Grand prince of Muscovy in the history of Muscovite Literary culture. — In: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd. 24. Wiesbaden, 1978, p. 131—161.

борьбы славян с монголо-татарами и турками, которых Лызлов считал потомками скифов, отсюда заглавие. Для своего труда Лызлов собрал большой материал, используя труды польских историков, русские летописи и хронографы и некоторые другие источники. Одним из них послужила «История о великом князе Московском», точнее, ее раздел, посвященный взятию Казани в 1552 г.

Э. Кинан подметил текстологическую близость этого раздела труда Курбского и «Скифской истории» и предположил, что «сочинение Курбского вряд ли могло быть создано раньше работы Лызлова или их общего источника, если таковой будет найден».² «Более 40 страниц „Истории о великом князе Московском“ совпадают почти дословно с фрагментами труда Лызлова, и имеются весомые свидетельства того, что „История“ происходит от него», — пишет Кинан.³

Дискутируя с Кинаном, Р. Г. Скрынников справедливо упрекнул его в отсутствии всяких попыток исследовать обстоятельства составления «Скифской истории», выявить источники этого произведения, авторские приемы Андрея Лызлова и т. д.⁴

Попробуем высказать некоторые суждения по этим вопросам.

В советской литературе «Скифской историей» специально занималась Е. В. Чистякова, посвятившая этому произведению ряд статей.⁵ Она отметила, что источниками рассказа А. Лызлова о взятии Казани в 1552 г. послужили «История» Курбского и «Казанская история». Однако автор не проанализировала специфику их использования, характер обработки, т. е. методику работы Лызлова. Без такого исследования ряд своеобразных моментов, подмеченных в книге Кинана, можно истолковать в пользу первичности труда Лызлова по отношению к сочинению Курбского.

Биографические сведения о А. И. Лызлове (умер не ранее 1697 г.) весьма скудны и относятся только к его дворянской службе.⁶ Следует, однако, обратить внимание на ряд косвенных данных, указывающих на его близость к патриаршим кругам. Можно отметить, что его отец И. Ф. Лызлов был среди непосредственного окружения патриарха Иоакима,⁷ что воеводствовал исто-

² Кинан Э., с. 63.

³ Там же, прим. 42.

⁴ Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кипана. Л., 1973, с. 102.

⁵ Чистякова Е. В. 1) «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения. — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения. сб. 6. М., 1963; 2) Русский историк А. Лызлов и его «Скифская история». — Вестник истории мировой культуры, 1961, № 1; 3) Об авторе «Скифской истории» А. Лызлове. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма. М., 1961; 4) «Скифская история» А. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, 1963, т. XIX.

⁶ Чистякова Е. В. «Скифская история»..., с. 6—7.

⁷ Там же, с. 5—6; Житие и завещание патриарха Иоакима. Изд. Н. Барсуков. СПб., 1879, с. 58 (Памятники древней письменности, т. 47).

рик в Верхнем и Нижнем Ломовых, которые в церковном отношении принадлежали к патриаршей области, что В. Н. Татищев передает слух о некоем публицистическом трактате против Симеона Полоцкого, написанном А. И. Лызловым по предложению Иоакима,⁸ что Н. И. Новиков утверждал, что взял для издания «Скифской истории» рукопись из патриаршего собрания с дарственной надписью автора.⁹

Среди же владельцев и читателей наиболее ранних из известных нам списков «Истории» А. М. Курбского (последняя четверть XVII в.) в основном были люди, близкие к патриарху Иоакиму: Евфимий Чудовский, Б. М. Хитрово, Ф. П. Поликарпов. Поэтому можно предположить, что именно в этой среде состоялось знакомство А. И. Лызлова с трудом Курбского.

Вернемся к «Скифской истории». В книге Э. Кинана сделана попытка текстологического сравнения «Скифской истории» и «Истории о великом князе Московском» и в результате утверждается, что факт заимствования текста Курбским у Лызлова можно считать установленным.¹⁰ Приводимые доводы сводятся к следующему.

«В частях, общих для „Истории о великом князе Московском“ и труда Лызлова, наблюдаются два принципа редакции: автор „Истории“ вообще сокращает свой источник (т. е. труд Лызлова. — А. Г.), исключая в особенности детали (имена, даты и т. д.) относительно кампаний, о которых идет речь, различные религиозные и патриотические отступления, имеющиеся в тексте Лызлова, и, во-вторых, он заменяет русские слова польскими, не во всех случаях, но довольно последовательно».¹¹

Действительно, описание взятия Казани у Курбского значительно более кратко, чем у Лызлова, но если предположить, что это сокращение, то оно кажется странным. Курбский исключил из «Скифской истории» все те отрывки, которые почти дословно совпадают с текстом «Казанской истории»! Более тщательное текстологическое исследование показывает, что рассказ о взятии Казани скомпилирован Лызловым из двух источников — «Истории о великом князе Московском» и «Казанской истории» второй позднейшей редакции, по классификации Г. Н. Моисеевой.¹² Текст «Скифской истории» — это мозаика, сложенная из почти дословно переписанных отрывков источников,¹³ в данном случае двух указанных.

⁸ Татищев В. Н. История Российская, т. I. М., 1960, с. 381.

⁹ Чистякова Е. В. «Скифская история»..., с. 17.

¹⁰ Кинан Э., с. 212.

¹¹ Там же.

¹² Казанская история. Подготовка текста, вступит. статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М. — Л., 1954, с. 21.

¹³ Е. В. Чистякова («Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв., с. 350) отметила этот «метод» дословного переписывания на примере хроник Стрыйковского.

Из сочинения Курбского Лызлов берет описание битвы под Тулой, тягостей марша на Казань и др., из «Казанской истории» — даты, имена, рассказы о чудесных видениях и т. д.

Приведем пример. В рассказе о подкопах под казанские стены Лызлов повествует о четырех подкопах, компилируя сначала два отрывка из «Казанской истории», а затем добавляет отрывок из «Истории» Курбского.

Лызлов ¹⁴	Казанская история ¹⁵	Казанская история ¹⁶	Курбский ¹⁷
<p>Повеле некоему инженеру, именем Размыслу, учинити подкопы под стенные градные на разрушение их. Той же Размысл е прилежанием многим делу нача подкопы строити в двух стех</p> <p>Един от Поганова озера, на углу, под стрельницу, от правой стороны Арских ворот, иже ныне Снаския ворота, и внутрь града близ их церковь святых Мученик Киприана и Устины. Другой подкоп на угольной, под стрельницу от Булака по праву сторону со стрельбище из лука; то были Нагайские ворота.</p> <p>Тому же подобиащийся стрелыц сотвориша над градом малое некое ухищрение, и поставиша в подкопе пороху,</p>	<p>Повелевает неинженеру, которому дохтуру, именем Размыслу, учинити подкоп под стену на разрушение града. Сей же Размысл е вскоре начать делу ятс я прилежати со страном и трепетом и царское повеление совершая.</p>	<p>Един подкоп под стену от Поганова озера на углу под стрельницу на деснои страну Арских ворот, иже ныне Снаския ворота именуются и храм у них внутри города поставлен святых Мученик Киприяна и Устины, а другой подкоп на углу же под стрельнею от Булака стрельбища по левую страну. То были Нагайския ворота, ныне же зарушены.</p>	
<p>Тому же подобиащийся стрелыц сотвориша над градом малое некое ухищрение, и поставиша в подкопе пороху,</p>	<p>Также и стрелыц некое малое ухищрение, и поставиша в подкопе пороху,</p>		

¹⁴ Лызлов А. И. «Скифская история»... 2-е изд. Ч. 1. М., 1787, с. 154—155.

¹⁵ ПСРЛ, т. XIX. Казанский летописец. СПб., 1903, с. 426.

¹⁶ Там же, с. 433.

¹⁷ Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб., 1914, стб. 192.

того же дня, то копе бочку зелья: сь сентябрь в 13 и абие того дни день 7061 лета, за- в пяток сентября палища, и тако месяца в 13 день вырвало тарасы вырвало у стены у стены градныя, тарасы подкопом и меташе древесна и меташа древе во и землю многу во град и з землю. град. Сие же ви- Сие же ведевшде девше стрельцы, стрельцы заметаша прибегоша тамо, и ров градный хвра- хврастием и зем- стием и землею и лею градный ров тако скоро мно- засыпаша, к то- гими полки въз- му же и многия доша на стену и полки приспеша, поставиша щиты, въздоша на стену и ту бишася на градную и поста- стене день и ноць вивше щиты дро- до взятыя града. вяны, бишася с поганымп на стене той день и ноць даже и до взятыя града.

В то же время недели за две до взятыя иным под- копом воду отняли у них; ибо подко- палися под боль- шую башню и под тайники, имиже на весь град воду взимали; и поста- влено тамо пороху двадесять бочек великих, и тако взорвало тай- ники те.

И в то же время у них подкопом воду отнято за 2, або за три недели до взятыя; бо ся тамо под вежу ве- ликую и под тай- ники подкопано, откуда они на весь град воду брали и порохов постав- лено, аки двадес- ьть бочек вели- ких: башню и вырвало.

Лексика «Скифской истории» также свидетельствует в пользу первичности труда Курбского по отношению к Лызлову. Так, например, Курбский, блистая памятью, часто вставляет в повествование татарские слова. О ценах на скот он пишет так: «Вола великого (покупали. — А. Г.) за десять аспр».¹⁸ Лызлов же заменяет непонятное слово «по десяти копеек».¹⁹ Обратный перевод из копеек в аспры крайне маловероятен.

Таким образом, выводы о том, что рассказ Курбского о взятии Казани — это сокращенный и переработанный раздел «Скифской истории», нельзя признать убедительными.

¹⁸ Там же, стб. 191. — Аспры — серебряные монеты, ходившие в Северном Причерноморье и других местах, от названия «аспр» произошло турецкое «акче».

¹⁹ Лызлов А. И. «Скифская история»..., с. 152.

Однако в системе аргументации Э. Кинана есть еще 5 доводов в пользу первичности текста Лызлова по отношению к Курбскому.

1. «Псевдо-Курбский» неправильно читает источник (т. е. Лызлова):

по Лызлову: «Царь татарский... припасы потопа в перепрах» (т. е. при переправе. — А. Г.);

у Курбского: «Царь татарский... кули потопа и порохов»²⁰ (т. е. потопил ядра и порох. — А. Г.).

Остается непонятным, почему эта фраза неправильно прочитана «псевдо-Курбским». На наш взгляд, по этому предложению вообще нельзя судить о первичности одного из текстов.

2. Сокращения в «Истории» ведут к непоследовательности. Из-за того, что «псевдо-Курбский» выпускает описание приготовлений для въезда царя в Свияжск (взятое Лызловым из «Казанской истории»), по мнению Э. Кинана, теряется смысл повествования.²¹

Затрудняемся сказать, на какой основе сделан этот голословный вывод. Изложение Курбского связно и последовательно.

3. «Автор „Истории о великом князе Московском“ переводит версты Лызлова в мили, но обычно делит на 5 вместо 7 и изредка ошибается... в случае же малых чисел явно не способен перевести в ярды и... оставляет версты».²²

Действительно, Лызлов всегда измеряет расстояния верстами, а Курбский употребляет и версты, и мили, однако это вовсе не свидетельствует в пользу вторичности текста «Истории о великом князе Московском».

Во-первых, на Руси издревле переводили мили в версты как 1 к 5, а не 1 к 7. «А миля по пяти верст»²³ (начало XV в.), «положена мера... по 5 верст в мили и по 2 мили в 10 верст»²⁴ (20-е годы XVII в.), «миля по 5 верст»²⁵ (30-е годы XVII в.).

Во-вторых, мили употреблялись наравне с верстами в одних и тех же текстах (см., например, «Хождение на Флорентийский собор»)²⁶.

Мили Курбского переведены в версты и в ряде списков «Истории». Однако когда замена миль верстами производится впервые, в рукописях указывается, что перевод делается из расчета 1:5 — «от Москвы болшии 200 миль, а всякая миля исчисляется расстоянием по 5 верст писменных».²⁷

²⁰ Кинан Э., с. 212.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Прокофьев Н. И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1971, т. 455, с. 20.

²⁴ Книга Большому чертежу. М. — Л., 1950, с. 174.

²⁵ Остен. Казань, 1865, с. 134.

²⁶ Казакова Н. А. Первоначальная редакция Хождения на Флорентийский собор. — ТОДРЛ, 1970, т. XXV, с. 63, 65—72.

²⁷ ГПБ, Q.IV.54, л. 2; собр. СПб. духовной академии, № 309, л. 2 об.; БАН, собр. тек. пост., № 372, л. 1.

4. Четвертый аргумент основан на сравнении двух небольших отрывков.

Курбский

Тамо роятся куны дорогие и белки и протчие звери ко одеждам и ко ядению потребны.²⁸

Лызлов

Тамо роятся куницы добрые, лисицы, белки, лоси, елени и протчие звери ко одеждам и ядению потребные.²⁹

Первичность Лызлова утверждается здесь потому, что речь идет о животных «ко одеждам и ядению потребных», а у Курбского упомянуты лишь пушные, т. е. только «ко одеждам».

Не видим здесь строгого доказательства, Курбский не обязан был конкретизировать каждое свое слово. Зато Лызлов постоянно дополняет один из своих источников другим. Например, переписывая из «Казанской истории» сведения о татарской музыке,³⁰ он перечисляет музыкальные инструменты (трубы, набаты, цевницы)³¹ и добавляет к этому списку еще и накры, которые известны ему из того же источника, но из других мест.³² То же самое произошло и в приведенном отрывке. Лызлов добавил «лосей и оленей», которые упоминаются в «Казанской истории».³³

5. Последний аргумент в пользу первичности «Скифской истории» по отношению к «Истории» Курбского заключается в следующем. Курбский ведет повествование от 1-го лица, употребляя местоимение «мы», Лызлов — от 3-го лица — «они». И вот в книге Кинана подмечено, что у Курбского местоимение «мы» трижды сочетается с глаголом 3-го лица. Отсюда и вывод: «псевдо-Курбский», заменяя «они» Лызлова на «мы», по невнимательности три раза не исправил форму глагола.

Как нам кажется, вопрос упирается в особенности лингвистики XVI—XVII вв. В статье «Об исправлении устава церковного в 1682 году и месячных мишей в 1689—1691 годах» неизвестный автор, негодую, пишет: «Обретошася же в тех правленных книгах не ведомо по какому случаю речения многая оставлена не исправлена по грамматическому художеству во временах и лицах, втораго лица глаголы премножаишии третьим лицом писаны, еже зело не лепо тако быти».³⁴ Так что путаница в лицах порою имела место.

Можно привести примеры неправильного сочетания местоимения и формы глагола в других памятниках. Так, в повести о житии Варлаама Керетского, опубликованной Л. А. Дмитриевым, не-

²⁸ Русская историческая библиотека, т. XXXI, стб. 190.

²⁹ Лызлов А. И. «Скифская история»..., с. 151.

³⁰ Там же, с. 163.

³¹ Казанская история, стб. 435—436.

³² Там же, стб. 442, 457.

³³ Там же, стб. 406, 407.

³⁴ Материалы для истории исправления богослужебных книг. Сообщение К. Никольского. СПб., 1896, с. 79 (Памятники древней письменности, т. 115).

кий Петр Буторин вспоминает: «Отец же мой внезапно начат глаголати: „Поедем *мы* в волость хлеба ради“. И *поехаша*, и ветру сущу велику. И егда *бывшим* нам у Шаряпова наволока, напрасно пришед волна и наполни карбас наш воды»³⁵ (курсив наш. — А. Г.).

Из всего сказанного можно сделать, как нам кажется, вывод о том, что точка зрения Э. Кинана о вторичности «Истории» Курбского по отношению к «Скифской истории» Лызлова не находит подтверждения, аргументация Э. Кинана неубедительна: «История о великом князе Московском» и «Казанская история» второй редакции являются основными источниками Лызлова в разделе, посвященном взятию Казани в 1552 г.

Добавим, что «Скифская история», датируемая во всех ее списках 1692 г., никак не могла быть источником «Истории» Курбского, древнейшие списки которой датируются 1677 г. Чувствуя это, Э. Кинан вскользь говорит о каком-то третьем памятнике, послужившем источником как для Курбского, так и для Лызлова. Однако приведенные в этой статье данные о взаимоотношениях текстов, на наш взгляд, опровергают такое предположение. Именно «История» Курбского, а не какой-то третий памятник послужила источником «Скифской истории».

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПОВЕСТЬ XVII в. О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РУСИ

Во второй половине XVII в. получила широкое распространение легендарно-историческая повесть о происхождении славян и начале Русского государства. Она встречается во многих летописных сводах, хронографах и сборниках под названием «История о зачале Руския земли и создании Новаграда...», «Начало Словенску, еже есть Великий Новград именуется» и др.¹

Начинается повесть рассказом о разделении вселенной между потомками Ноя, среди которых особое внимание уделено Словену и Русу, давшим якобы начало славянам и руси и основавшим города Великий Словенск и Русу. Далее говорится об отношениях

³⁵ Дмитриев Л. А. Повесть о житии Варлаама Керетского. — ТОДРЛ, 1970, т. XXV, с. 193. — Публикация осуществлена на основе пяти списков, из которых форма «поехаша» читается в четырех, в пятом — «поехати».

¹ Повесть опубликована А. Н. Поповым (по двум спискам) и Ф. Гиляровым (по двадцати трем спискам): Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, входящих в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 442—447; Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878, с. 15—23.